

ДОНБАССКИЙ РЕЖИССЁР и писатель Владимир Агранович вместе с сестрой Катериной Агранович снял сериал "Резервисты", посвящённый донецким мобилизованным в самом начале СВО.

Справочно: Аграновичи — сын и дочь одного из легендарных "спартанских" командиров — "Матроса", о котором Владимир Агранович написал целую книгу, недавно переизданную крупнейшим издательством страны АСТ — "Позывной Матрос" (книга посвящена военным судьбам ополченцев 14-го года — его отца, Матроса, и его дяди — Водяного, погибшего на СВО). Агранович известен своими замечательными короткометражными фильмами о Донбасской войне и сериалом "Мобилизация", который, как понятно из названия, посвящён мобилизации в Донецке, прошедшей перед началом СВО. А сестра его давно занимается информационной политикой и продвижением патриотического дискурса в нашей медийке. Теперь донбасский, то есть российский, режиссёр Агранович обратился непосредственно к теме войны и снял военное кино. Признаться сами себе: такого военного кино — сложного, правдивого, думающего — нам сейчас критически недостаёт. Того, что снято на данный момент ("20/22", "Позывной Пасажир", "Ополченский романс") катастрофически мало. Поэтому каждый фильм, посвящённый этой теме, обречён если не на успех, то на повышенное внимание.

Сериал "Резервисты", впрочем, заслуживает не только внимания, но и положительной оценки. Это действительно серьёзное, многослойное кино, нацеленное не столько на патриотическую пропаганду, сколько на осмысление произошедших с Донбассом и вообще со всей Россией событий. Владимир Агранович мастерски плетёт нить повествования сериала, будто пишет книгу: все его герои непросты, не одномерны, у каждого своя история, свой путь и своё акме.

Так, мы встретим в "Резервистах" нескольких персонажей из прошлого сериала Аграновича — "Мобилизации", каждый из которых прошёл свой путь от мобилизации в Донецке до Мариуполя, где и разворачивается вторая часть сериала. Аграновичу удалось создать единую киноселенную Донбасса, и встреча с героями из прошлого сериала очень радует зрителя. Когда в кадре появляется Артём (главный герой "Мобилизации") в бронеке и с автоматом, становится понятно, какой путь он проделал после завершения

"Мобилизации" от военного журналиста до добровольца, матёрого штурмовика, настоящего мастера войны. Акме этого персонажа, то есть пик, вершина развития его личности, обретается именно здесь, в Мариуполе, и последующий его путь, будет ли он долог или короток, будет ориентирован именно на эту вершину, в которой он обрёл полноту своего бытия. Когда Бог смотрит на человека, Он видит именно его акме. Достигнув акме, не страшно оставлять этот мир.

любви и смерти, о судьбе нашего Отечества и его трудном пути в истории. Почти все герои сериала философствуют, как это всегда и бывает на войне. Этому способствует особая атмосфера сериала — будто все сцены происходят на развалинах андрейплатоновского Чевенгура: все герои ищут тепло в пустом, полуразрушенном и беспокойном мире, и наполняют этот мир теплом своих тел, греются от доброты и мыслей друг друга, одновременно учатся друг у друга жить и любить. И умирать.

Однако же сериал не столько о смерти, сколько о любви — о том, какое это непростое дело. Русский философ Пётр Чаадаев, ветеран Отечественной войны 1812 года, сказал как-то: "Я не научился любить своё Отечество с закрытыми глазами". Это можно взять слоганом к сериалу Аграновича.

Мы не найдём здесь официального ура-патриотизма. Здесь будет горечь от произошедшей трагедии и боль за лю-

дей, которые через неё прошли. В сериале много балабановских сцен, много неприглядной правды о произошедшем (большинство актёров в сериале — это не профессиональные актёры, а бывшие мобилизованные). Но тем сильнее пульсирует главный мотив всего сериала — любовь к своему Отечеству с открытыми глазами — глазами, которые видят все грехи и недостатки своей страны, но тем не менее, люди готовы положить свои жизни за её высшие достоинства и за её будущее, которое мы строим прямо сейчас, во время войны.

Как написал сам режиссёр, своим сериалом он желает отдать дань памяти всем тем донбасским мобилизованным, которые положили свои жизни за наше будущее.

Я думаю, у него это получилось.

Андрей КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ

ВОЙНА БЕЗ ПРИКРАС

О сериале «Резервисты»

В сериале про войну, конечно, много смертей. Герои гибнут по-разному: кого-то расстреливают в плену, кто-то погибает при штурме, кто-то — от пули снайпера, кто-то — подорвавшись на mine, уже после боя, в котором выжил... Агранович даёт целую галерею смертей.

Но в сериале про войну ещё, конечно, много любви. Агранович даёт также и галерею образов любви. У древних греков было множество типов любви, обозначавшихся разными словами. Например, фιλία — это любовь-дружба. Αγάπη — благородная любовь. Σторге — родительская любовь. Έρως — любовь плотская. И так далее. И Агранович тоже описывает разные типы любви. Любовь к девушке, любовь к покойному отцу, любовь к семье, любовь к товарищам, к своему городу и его жителям, к Отечеству. Так, например, один из главных героев сериала, Федя, выбирает между любовью-долгом и любовью-страстью. Любовь-долг — это любовь к покойному отцу, ополченцу, к которому, как говорит сам персонаж, он уже не сможет прийти на могилу, если сбежит от войны. А любовь-страсть — это его любовь к своей девушке. Персонаж, столкнувшись с реалиями войны, будет мучительно выбирать, метаться, но в итоге всё-таки выберет высший тип любви, который поведёт его дорогому войны...

СЕРИАЛ НАПОЛНЕН философскими рассуждениями о добре и зле, о смысле и бессмыслице войны, о

Кадр из сериала «Резервисты» (2024)

ВЕЛИКОРОССИЯ

Литературно-исторический журнал

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ... Литература. Именно она — важнейшая. Поскольку она вдохновляет и является источником произведений едва ли не всех других видов искусства. Литература питает театр, кино, музыку, балет, оперу, скульптуру, живопись. Каждый из нас и навскидку назовёт произведения, жизнь которым дала литературу. И она создала целые жанры — иллюстрация к литературным произведениям, русский романс.

Некогда самая читающая страна в мире — страна наша читающей остаётся. Но читатель перешёл в интернет. При этом лишая себя такого отдельного тактильного удовольствия взять книгу в руки, переворачивая страницы, вдыхать запах типографской краски — свидетельство новизны издания, "только что из печати".

В советское время книг издавалось много. И выход книги, конечно, становился событием для автора. И было много толстых журналов, альманахов. Не меньшим событием для автора была публикация в этих журналах. Авторы одного издания были своего рода сообщниками, кастой избранных редколлегий. По принципу "издавались в одном журнале" заводились знакомства, перерастающие в дружбу. А кому-то из авторов именно такие издания открывали дорогу в литературу.

Известные события новых времён приказали долго жить многим и многому, в том числе и такому явлению, как толстые журналы. Какие-то из них закрылись, какие-то потеряли былую успех. Но на удивление — появились и новые издания! Всем рынком назло, читателям на радость они выходят, держат и удар, и марку.

Таким изданием является литературно-исторический журнал "Великороссия" (выходит с 2011 года ежеквартально). По традиции подобного рода изданий журнал представляет разные литературные жанры. Проза, поэзия, литературная критика, публицистика. Редакционной коллегии (главный редактор Иван Голубничий, шеф-редактор Светлана Замтелова) удаётся очень гармонично выстроить своё издание. Настоящее организационное искусство редколлегий в наши дни — это не растерять уважаемых старинных авторов и заинтересовать, найти новых. Ныне это не так просто: ведь издания, как правило, безгонорарные, со всеми, что называется, вытекающими.

Не меньшее искусство и большой труд, учитывая скромные штаты сотрудников, отобрать в редакционной почте именно произведения, а не графоманские описки. К сожалению, многие издательства грешат против своей совести и русской литературы, запуская в мир тарарабину. Это в лучшем случае. А то и просто низкопробную пошлость.

Взяв в руки журнал "Великороссия", сразу оценишь его элитантность, графический минимализм, ясно выраженную идею и позицию — силуэт русского богатыря на коне, война-победоносца. При дальнейшем знакомстве оценишь высокий уровень каждой публикации, хороший литературный стиль авторов, ориентированность на русскую классическую традицию, что не мешает звучать современно. Читателя здесь не ошарашат бульварщиной и дурновкушем.

Открывает журнал традиционно "передовица" главного редактора, где он комментирует текущие события в мире и литературе. Каждый автор представлен короткой биографией, портретом. И с удовольствием отмечаешь, что "литература дышит, где хочет" журнал "Великороссия" даёт трибуну авторам со всей нашей страны, а также русскоязычным писателям из других государств. "Цените книгу — источник знаний" — советовав классик. Цените те издания, что являются источником хорошего настроения от прочтения новых произведений русской литературы.

Екатерина ГЛУШИК

ДАВНО ПОРА смириться с тем, что московские объекты инфраструктуры выводятся из строя и, как по мановению волшебной палочки, превращаются в арт-пространства, или, по-модному, — кластеры. С одной стороны, ощущение ужюбства, измелъчания — Москва из города мастеров становится каким-то хилстерсити, где в бывших цехах устраиваются кинопоказы да инсталляции. С другой стороны, слава богу, что это не разрушается в угоду воротилам и на месте старого завода не возводятся торгово-развлекательная ерунда с кинотеатром, аквапарком и подземными парковками.

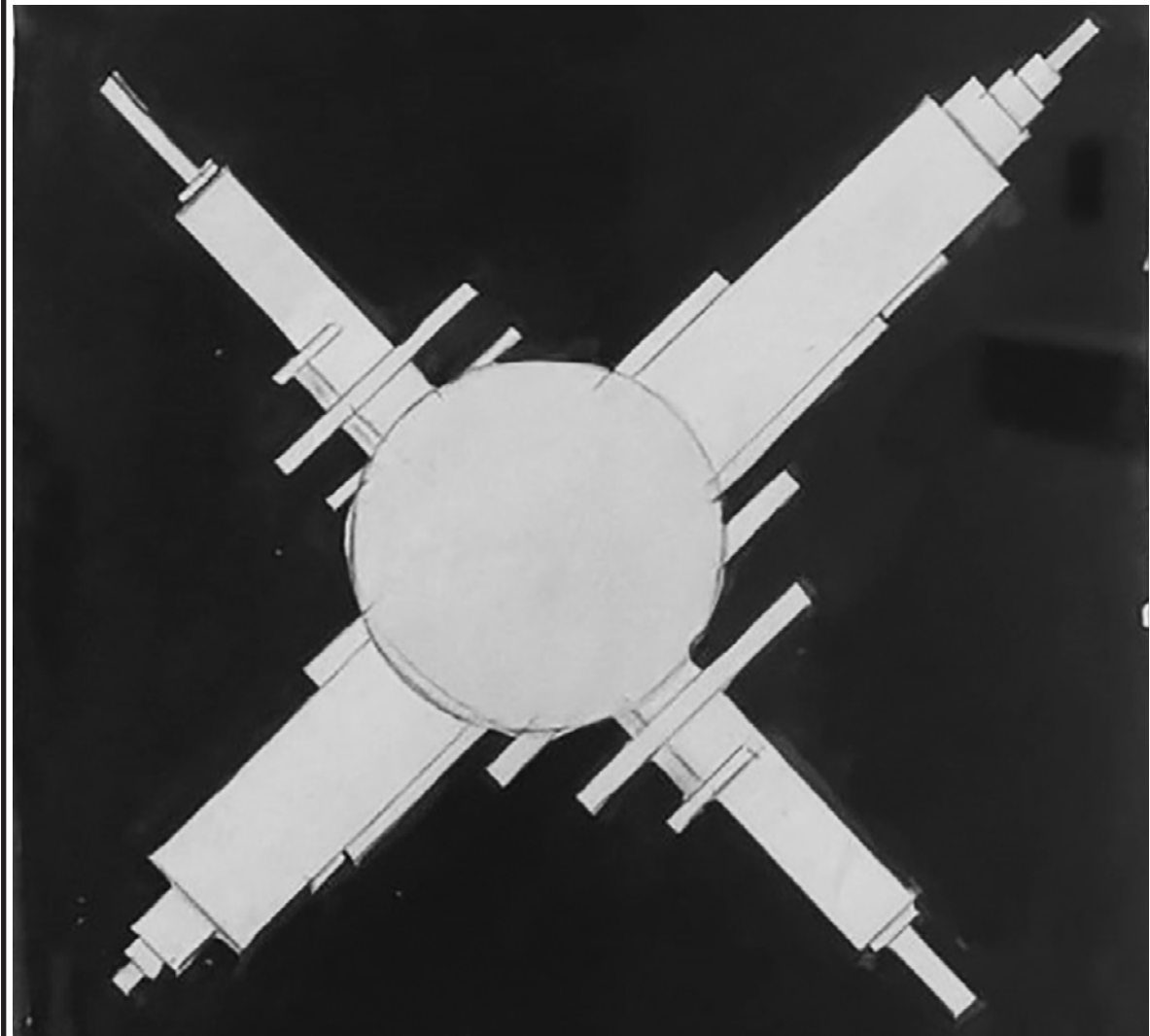
Так, у нас имеются: "Винавод" — multifunctional-ный центр искусств, "Красный Октябрь", где нынче проводятся экспозиции на тему "Как хороши, как свежи были советские шоколадки", потрясающий "Зотов" — центр русского авангарда в здании бывшего хлебокомбината №5 имени Василия Зотова, бизнес-квартал "Арма", затейный в помещениях дореволюционного газового завода с прихотливо обыгранными газгольдерами. Лучше уж так, чем тотальная зачистка территорий.

ГЭС-2, сделавшаяся нынче домом культуры (во всяком случае, они так себя называют вполне официально) — из той же серии. Она была построена в 1905–1907 годах и первоначально носила имя "Трамвайная", поскольку предназначалась для питания контактной сети городского трамвая. Это — шедевр промышленной архитектуры стиля ар-нуво, да и место знакомое — самый центр, рядом с кинотеатром "Ударник" и всё тем же "Красным Октябрем". Автор постройки — московский зодчий Василий Башкиров, друг Виктора Васнецова, да и вообще замечательная личность.

В 2009 году здание ГЭС-2 получило статус объекта культурного наследия регионального значения, а с 2021 года после всех реконструкций здесь проводятся мероприятия. Да, рядом стоит худшая скульптура всех времён и народов — "Большая глина" Урса Фишера, но, к счастью, не о ней сегодня речь.

ВОКРУГ КВАДРАТА

Экспозиция в доме культуры ГЭС-2

«Симметричный архитектор». Художник Илья Чашник. 1926 г.

В ЗАЛАХ ГЭС-2 открыта экспозиция "Квадрат и пространство", а в аннотации говорится, что проект посвящён влиянию творчества Казимира Малевича на искусство XX века и взаимодействию зрителя с произведением, а произведения — со зрителем. Надо сказать, что выставка настолько изысканно-концептуальна (о, тут произрядная доля сарказма), что к её пониманию надо подходить издалека. Требуется даже не один экскурсовод, а целая разъяснительная бригада. Потому-то и были выпущены симпатичные брошюры, которые можно бесплатно взять со специальной витринки. Так, "Чёрный квадрат" Малевича роднят с QR-кодами, вмещающими огромное количество информации, а квадрат как таковой — с идеями урбанизма, тяготеющими к простейшей геометрии. Вспоминается английское square — одновременно и квадрат, и пло-

щадь, центр городского бытия. Патентованная заумь как она есть. Кстати, словечко "заумь" было в ходу во времена Казимира Малевича, а такой видный деятель, как Алексей Кручёных, именовавший свои стихи "заумными". Так что сие в пору.

Ещё сложнее разобраться в подборе экспонатов. Так, "Чёрный квадрат" как гимн чистому искусству предвзвешивает "Чёрное море" Ивана Айвазовского, "Степь" Архипа Куинджи и "Общий жертвенный котёл в престольный праздник" Иллариона Прянишникова. Работы Айвазовского и Куинджи кое-как можно прикрутить к тематике — они являют двухцветные пространства, как и на картине Олега Васильева "Тишина", экспонирующейся рядом. Что же касается многолодной и — разноцветной вещи Прянишникова, тут надо догадываться. Точнее, пожимать плечами. В сопроводительной брошюре сказано, что все эти полотна с "Чёрным квадратом" роднит "стремление выразить невыразимое, передать ощущение бесконечности мироздания". Этак любую картину помещаем — хоть Рембрандта, хоть Репина.

На этой выставке лучше и не пытаться рассуждать о культурном наследии региональных подсобностей. Благо тут масса великолепных и неожиданных произведений. Допустим, есть работы Пабло Пикассо — "Флейта и скрипка" и знаменитый кубический портрет Амбруаза Воллара, одного из наиболее успешных торговцев картинами.

В центре внимания, разумеется, Казимир Малевич. Он сам по себе не такой уж поразительный мастер и отнюдь не сверхталантливый искусник — его "супремизм" не восторгает и не пугает. Квадрат — исключение, так как соединились три символа: замкнутая конечность, устойчивость формы и колодезно-чёрная, омутистая безнадёжность цвета. Всё ужасно. Неудумно: шла война, а творцы — наиболее чувствительные люди.

Малевич именовавший всё это "чистым действием", говоря об этом выспренно и пышно: "Человек-живописец вернулся к чистому действию великого опыта, достигая через свои внутренние природоестественные побуждения новых конструкций мировываения..."

На выставке представлены эскизы костюмов, созданные Казимиром Малевичем для футуристического спектакля "Победа над Солнцем" Алексея Кручёных и Михаила Матюшина. При всех своих причудах и нарочитой аллочности, эта штука была чёткой по своим идейным установкам. Замышлялось электро-механическое действо, знаменующее триумф перестройки техники над природой и слабым, ничтожным человеком-сапиенсом, который признавался чем-то вроде тупишки мироздания.

Будущее — за мудрой и блестящей конструкцией, за электричеством и железными дорожками. Чёрный квадрат как образ впервые возник в качестве декорации к одной из сцен "Победы над Солнцем". То было некое выражение победы активного начала над естественным ходом бытия: чёрный квадрат вместо солнечного круга. Грандиозная постановка состоялась в 1913 году в Санкт-Петербурге, второй раз в 1920-м — в Витебске, который считался одним из центров отечественного авангарда, но там над костюмами и сценариями работала уже Вера Ермолаева. Третий вариант, с оформлением Эля Лисицкого, ученика и друга Казимира Малевича, не реализовали, хотя его задумки были интереснейшими.

А вот картины Ольги Розановой, входившей во все нонконформистские кружки — в те, что бешено трясли манифестами, пугая обывателя. Дочь уездного исправника из города Мелени, она сделала одной из ключевых фигур творческой жизни 1910-х годов. Дружила с Алексеем Кручёных и Владимиром Маяковским. Тут и "Пожар в городе", и "Полёт аэроплана". Это — видение образов, но не предметное, смелая фантазия, больше напоминающая музыку, чем живопись.

Прежрасен "Симметричный архитектор" Ильи Чашникова — одного из результативных учеников Малевича. Рисунки напоминают... грядущие орбитальные станции. Не мной первой замечено, что некоторые супрематические композиции похожи на космические корабли, парящие в чёрном космосе. По факту же они — всего лишь "опыты по формовываению". Ко называлось это в кругах супрематистов, конструктивистов и футуристов. Вываение формы — это поиск гармонии будущего, основанный на чувствовании геометрии.

Далее ряд произведений Александра Родченко — художника, дизайнера и фотографа. Его "Чистый красный. Чистый жёлтый. Чистый синий" — дань увлечению супрематизмом. В области живописи Родченко оказалось вторичен и скучноват, но в качестве дизайнера и фотографа он — чудо. Головокружительные его фотоизображения Шуховской башни, линий электропередач, механизмов. Он обожал технику и прогресс, запечатлевая машины, тогда как к природе был неистро равнодушен, считая её неупорядоченной и плохо устроенной. Всё это — в духе той самой "Победы над Солнцем", провозглашённой футуристами.

Привлекает внимание работа Ивана Кудряшова (он также слыл ярым последователем Казимира Малевича) — роспись для Первого советского театра в Оренбурге, который так и не построили. Эскиз напоминает портал в незнакомую даль, где привычные для супрематиста фигуры, преодолев хаос, воссоздают танец планет.

Тут логика понятна, однако зачем на этой выставке картина Александра Дейнеки "Текстильщицы"? Что роднит её с супрематизмом и Малевичем, кроме пересечений во времени? Авторы проекта закручивают мысль об "эстетике взаимодействия", "идее присутствия и непрясуствия" и "театрализации жизни". Нам же остаётся лишь смотреть на отлично сработанное полотно и вспоминать легендарную эру первых пятилеток.

НАМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ возможность увидеть, как эстетические воззрения супрематистов повлияли на творчество абстракционистов 1960-х годов, когда минимализм сделался общимищным трендом. Вот работы Риммы Заневской-Сапгир, для коих была характерна эффектная монохромность — отменный ритм чёрного, белого и бледно-серого. Можно не быть поклонником абстракции, но и среди подобных картин есть шикарные — те, где художник опирается на созвучия оттенков и красоту лаичной геометрии.

В 1970-х пришла мода на "психоделическую" реальность — перед нами волшебный квадрат с оранжево-синими, повторяющимися фигурами. Тут нет никакого геометризма — это, скорее, живая клетка. Впрочем, ритм сохранён. К слову, автор всей этой оптической магии, Владимир Галкин, дружил с Риммой Заневской-Сапгир — они оба входили в неформальную арт-группу "Движение". Они считали себя наследниками футуристов и супрематистов, противопоставляя себя официальной доктрине соцреализма.

Кроме того, явлено, как смыслы Казимира Малевича были подхвачены таким видным представителем поп-арта, как Эрик Булатов. Его "Чёрный вечер, белый снег" — это игра с цветом, шрифтами, убегающим горизонтом. У Булатова — ряд подобных картин. Он уникальнй мастер: в его графических эскападах — иначе не скажешь — заключена глубокая, тонкая ирония. При всём том, Эрик Булатов — гениальный рисовальщик, и поколение 1970-х памятно его (совместно с Олегом Васильевым) иллюстрацией к сказкам Шарля Перро. И там не было никакого супрематизма — лишь изысканное дунновение Галантного века!

В целом экспозиция в ГЭС-2 — недурственная, если не пытаться постигать могучую заумь, каковой перенасыщено выставочное сопровождение, скрепившее Айвазовского с Родченко. Любоваться проявлением талантов — и этого достаточно.

Галина ИВАНКИНА

ПЕТРОВА

Самоцветный голос России

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

СЛОВА о Татьяне Юрьевне Петровой (урождённой Сысольтиной), наверное, сами по себе должны складываться в песню. Ведь в России она — духовная дочь митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иосана (Снычёва) — заслуженная артистка с 1992 года, а вот певица — давно и по-настоящему народная. И не какого-то абстрактного народа, а того — выходящего на миллионные протесты против рыночных реформ в "лихие девяностые" и сражавшегося на баррикадах "чёрного октября"; того народа, который заполнял залы на боевых вечерах газет "День" и "Завтра"; народа, верующего в Бога и верящего, "как бы горько ни складывались обстоятельства", в свою Родину, в её прошлое, настоящее и будущее; того народа, который сегодня отстаивает единство большой России на фронтах Специальной военной операции. Татьяна Петрова всегда была истинной дочерью и голосом этого народа. Голосом, который за рубежом называют "серебряным" и "золотым", а в России — "самоцветным".

Для неё, уроженки Урала, этого опорного края и станового хребта нашей державы, патриотизм и православная вера — явления такие же естественные и наследственные, как её голос: среди уральских Сысольтиных — два Героя Советского Союза времён Великой Отечественной войны, в том числе двоюродный дед Татьяны Петровой Иван Матвеевич. Так что отгаи в крови ей не занимать. Отправиться в неполные пятнадцать лет из своей деревни Ягушино в тогдашний Свердловск (исторически и ныне — Екатеринбург), чтобы пройти (и пройти!) конкурс в Уральский государственный академический русский народный хор, — для такого нужны в равной (очень немалой!) степени и талант, и характер. А ещё через четыре года уникальный "уральский самоцвет" ждала уже Москва, отделение сольного народного пения Московского государственного музыкального училища имени М.М. Ипполитова-Иванова (класс Нины Константиновны Мешко), которое Татьяна закончила в 1978 году, став по мужу Петровой. Параллельно с учёбой и воспитанием дочери Екатерины певица работала в Ансамбле народной музыки под управлением Дмитрия Покровского; в 1978 году стала солисткой "Москонцерта" и студенткой музыкального педагогического института имени Гнесиных (тогда для неё и ещё двух певичек "народниц" открыли специальное экспериментальное отделение народного пения); в 1979-м победила (II премия) на Всероссийском конкурсе исполнителей народной песни; в 1986-м стала лауреатом премии Ленинского комсомола и поступила в аспирантуру "Гнесинки", где и ныне работает доцентом.

Такой редкий талант не мог остаться незамеченным, и многие известные люди: Ирина Архипова, Василий Белов, Николай Бурляев, Валерий Ганичев, Вадим Кожинов, Валентин Распутин и др. — поддержали Татьяну Петрову с самого начала её творческого пути.

Ирина Архипова: "Откуда такая стойкость, упорство, неутомимость, такая вера в русскую песню? Вопрос не праздный. Он заставляет задуматься о силе народного характера и русского духа. О неистребимости веры".

Вадим Кожинов: "Татьяна Петрова действительно певица, и для меня она стоит в таком ряду: Надежда Плевицкая, Лидия Русланова и вот она — третья. И что это прежде всего значит? Это значит, что она действительно поёт, что песня, когда бы она ни была исполнена, — это её песня; она не исполнитель, а действительно певица в высшем значении этого слова, а для этого, конечно, недостаточность одного желания петь — нужен высокий и воистину мощный дар, чтобы преодолевать время. И получается так, что, когда она поёт песни народные, давние, вековые, они звучат совершенно современно; и в то же время, когда она поёт песни, созданные современниками, — вот только тогда они становятся в этот ряд и присоединяются к той великой культуре".

В 1990 году Николай Бурляев пригласил Татьяну Петрову на роль Любови Медведевой, жены учёного-физика Дмитрия Медведева, главного героя фильма "Всё впереди!" по одноимённому роману Василия Белова.

Галина Ореханова в книге "Россия, Рус! Храни себя, храни...", посвящённой феномену Татьяны Петровой, отметила: "Художнику, который воспринимает своё творчество как народное служение, а именно так понимала певица своё назначение в искусстве, настала пора "встать под ружьё". Она без колебаний сделала это". Что в немалой степени сказалось на успешности её дальнейшей карьеры. Но не коммерческий успех стоял для певицы во главе угла. Концерты в воюющих Афганистане, Чечне, Сербии — это тоже страницы из её биографии...

РЕПЕРТУАРЕ Татьяны Петровой более тысячи народных песен, многие из которых были записаны лично ею в фольклорных экспедициях. И не только записаны, но (в том числе знаменитая версия "Встань за веру, Русская земля!" на музыку "Прощания славянки" Василия Агапова) прежде всего осмыслены с позицией того, что "русская песня держит нравственный свод современности", что "она как свет, на который идёшь, как тепло, которым согреться".

Певица говорит: "Меня всю жизнь волнует разница между православием и народностью... Русское язычество — это ожидание Христа... У народа общая песня есть, а у населения — нет... Как видно из истории, неповторимое место в русской песенной традиции отведено сольному женскому пению", — и это действительно так, по крайней мере — с "плача" княжны Ярославны на крепостной стене Путивля в "Слове о полку Игореве". "То, что сейчас в целом происходит на нашем телевидении, я не могу назвать иначе, как террором, направленным против культуры..."

Не случайно Татьяна Петрова с благословения патриарха Московского и всея Руси Алексия II стала инициатором проведения и участником благотворительных "Монастырских вечеров" при Свято-Даниловом монастыре, не случайный много лет века концертную программу "Татьянин день", не случайно Александр Проханов посвятил ей памятные строки:

Пусть певица Танечка Петрова

Мне поёт до самого Покрова.

А потом поёт до Рождества.

Дуб зелёный, где твоя листва?

И не случайно девизом певицы стали слова: "Песня — свеча души". Будем надеяться — и больше того, есть уверенность, — что свеча, зажжённая Татьяной Петровой, не погаснет.

Владимир ВИННИКОВ